

А.В. ДЕВЯТКОВ, А.С. МАКАРЫЧЕВ

МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА РОССИЙСКО-ЕВРОПЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ¹

Введение

Слово «модернизация» в сегодняшней России при любом его употреблении неизбежно приобретает политические коннотации. С точки зрения официального дискурса в России модернизируется буквально все – от институтов гражданского общества до медицинских учреждений. По мнению оппонентов Кремля, модернизация обречена на неудачу, поскольку это понятие в период президентства Дмитрия Медведева носило лозунговый, конъюнктурный характер и представляло собой скорее краткосрочный политический проект, чем долгосрочную стратегию национального развития.

Многочисленные интерпретации и дискуссии о модернизации оставляют ощущение пустоты данного термина, являющегося контейнером самых разных смыслов, который различные политические субъекты наполняют своим содержанием. Поэтому пустота – это не столько препятствие, сколько шанс для поиска новых, сложнофиксируемых смыслов, в силу чего концепт «модернизация» представляет собой набор «плавающих означающих», кото-

¹ Статья подготовлена в рамках проведения поисковых научно-исследовательских работ при поддержке Министерства образования и науки РФ, федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. (мероприятие 1.2.2 – IV очередь). Госконтракт № 14.740.11.1387.

рый сопровождается процессом переозначения (resignification), а также многочисленными языковыми играми.

Можно ли остановить безбрежное расширение смыслового поля идеи модернизации? Любому термину для большей определенности требуются внешние границы, которые противопоставляют и отделяют его от других понятий. Модернизацию можно противопоставлять, во-первых, предмодерну (домодерну), т.е. традиционному обществу, элементы которого вполне можно найти и в России, особенно на Северном Кавказе. Во-вторых, модернизацию можно противопоставлять миру постмодерна, но тогда придется признать, что РФ и ЕС находятся в разных фазах общественного развития и поэтому обречены на то, чтобы общаться друг с другом на разных концептуальных языках.

В настоящей статье мы покажем, что концепция модернизации, помимо преобладающих, внутренних для России, смыслов влечет за собой важные внешние эффекты. Российское руководство, взяв на вооружение идею модернизации, включилось тем самым в сложные дискурсивные отношения глобального уровня, определяемые традициями использования этого термина совместно с идеями взаимной зависимости, формирования сетевых обществ и транснационализации мировой политики [Barnett, 2010, р. 26–29]. Результаты этого дискурсивного процесса мы рассмотрим на примере российско-европейских отношений, исходя из основных положений «английской школы» о механизме расширения «цивилизационных стандартов» при длительном переходе от «европейского международного общества» к «глобальному международному обществу». Модернизация в этом смысле может рассматриваться как составной элемент более широкого процесса «социализации», т.е. постепенного подключения стран, не принадлежащих к западной исторической традиции, к процессу строительства современного эффективного государства. Этот процесс включает в себя как внутренние реформы (обеспечение прав человека, защита собственности, свобода передвижения, главенство закона), так и внешние нормативные обязательства (приверженность принятым внутри «международного общества» правилам поведения и практикам) [Stivachtis, 2010]. Сама идея международного общества в трактовке «английской школы» базируется на ключевом значении институтов (понимаемых как «правила игры»)

в обеспечении социального уровня взаимодействия между государствами как элементами общего нормативного пространства.

Статья состоит из трех частей. Основной тезис первой из них заключается в том, что демократические коннотации, свойственные для доминирующего в странах Запада либерального дискурса, не характерны для официального российского понимания модернизации. Во второй части мы показываем, что модернизационный дискурс чреват структурными дисбалансами в российско-европейских отношениях: отсутствие в российской стратегии модернизации нормативной перспективы вызывает отчуждение в странах ЕС, а ее присутствие ведет к косвенному признанию нормативного лидерства Запада и, таким образом, ставит под вопрос принцип абсолютного равенства в качестве основы отношений. В третьей части мы хотели показать, что распространенное представление о ЕС как о политическом сообществе, преодолевшем эпоху модерна, не следует преувеличивать: Европа вынуждена возвращаться к некоторым практикам государств-наций, включая укрепление границ, конструирование коллективного Я, отталкиваясь от других (внешних) идентичностей, и т.д., что сближает позиции РФ и стран ЕС и, соответственно, понижает шансы на нормативное доминирование Европы.

Модернизация: Языковые игры

Суть «языковых игр» вокруг термина «модернизация» состоит в том, что, во-первых, он включает в себе как внутренние смыслы (медведевский дискурс, рассчитанный скорее на внутреннее употребление), так и внешние «послания», адресованные преимущественно Европе. Это международное «измерение» российского модернизационного проекта представляется чрезвычайно важным, поскольку оно содержит в себе ссылки на Запад как на «цивилизационный стандарт», способный оказывать корректирующее воздействие на внутреннее развитие России.

Во-вторых, модернизация относится к числу академических концептов, которые получили широкую популярность и в политическом дискурсе, однако этот трансферт из одного языкового регистра в другой не обошелся без существенных смысловых искажений. В научном варианте под модернизацией часто понимают

процесс построения современного (т.е. дословно – эпохи модерна) государства-нации. Выделяются три варианта протекания этого процесса.

Первый включает формирование соответствующих демократических институтов и управленческих практик в качестве обязательного и даже ключевого компонента модернизации.

Второй предполагает изменения посредством авторитарного правления, которое маскируется лексемой «консервативной модернизации» [Trenin, 2010]. Данный вариант обосновывается преимущественно ссылками на примеры небольших, территориально компактных стран (Сингапур), либо больших, вызывающих всеобщий интерес, но не могущих пока служить примерами ни инновационной экономики, ни устойчивого развития (Китай).

Третий рассматривает модернизацию вне контекста «авторитаризм – демократия» (технократический, постполитический подход, «снимающий» эту дихотомию как нерелевантную).

В России в настоящее время доминирует смесь деполитизированного понимания модернизации (как варианта технологического переоснащения, «перестройки» экономического аппарата, которая не обязательно предполагает радикальные социальные новации) с признанием допустимости авторитарного режима властных отношений. Так, по мнению Ярослава Кузьмина, ректора НИУ-ВШЭ, экономическая политика в России «страдает от перегруженности публичностью, ориентации на перформанс, на восприятие того, что обсуждается широкими слоями населения, а не людьми, которые действительно располагают достаточной информацией для того, чтобы делать выводы. Эта перегруженность публичностью иногда деформирует сами реформы – заставляет правительство подлаживаться под упрощенные – и часто ошибочные – массовые реакции» [Кузьминов, 2011, с. 6]. Иными словами, Я. Кузьминов, по сути, предлагает сугубо технократический вариант модернизационного процесса, который бы базировался на профессиональной экспертизе, «завертикаленной» в существующие структуры власти. По его словам, «люди, использующие демократические механизмы, должны иметь рациональные стратегии», в противном случае «победа народовластия может быть разрушительной, как в России получилось в 1917 г.» [Кузьминов, 2011, с. 6]. Далее он говорит о «вырождении системы обществен-

ного интереса к политике» вследствие «длительного периода телевизионной пропаганды, иррациональной самой по себе и базирующейся на упрощенном, символьном восприятии реальности. Это следствие того, что обсуждение политики было отдано пиар-консультантам и имидж-консультантам». Но в то же время такая ситуация стала результатом «попытки власти вести с обществом прямой диалог», минуя стандартные формы в виде, например, взаимодействия с парламентской оппозицией. Соответственно, взамен Я. Кузьминов предлагает власти вести диалог не с абстрактным населением, а преимущественно с экспертным сообществом.

Эта технократическая логика продолжает традицию «системных либералов», к которой, помимо Я. Кузьминова, можно отнести такие фигуры, как А. Чубайс и С. Кириенко. Для них политика, воспринимаемая как сфера открытого столкновения различных представлений об общественном устройстве, представляет собой препятствие для реализации сугубо технократического, программируемого и тщательно контролируемого подхода к модернизации. Соответственно, политика превращается в механизм «чистого» управления, опирающийся на некое «рациональное», «объективное», а потому не особо нуждающееся в широком обсуждении знание профессионалов. Такая же логика просматривается в одном из текстов В. Иноземцева [Иноземцев, 2010]. По справедливому замечанию В. Морозова, такой подход, отдающий политику во власть технократического менеджмента, основан на убеждении в том, что готовая стратегия модернизации уже существует и нужно лишь технологически грамотно воплотить ее в жизнь, преодолевая сопротивление бюрократической инерции [Morozov, 2010].

Таким образом, в России доминирует понимание модернизации как достижение определенных экономических и технологических параметров развития, присутствующих в западном мире. При этом упускается из виду, что современный Запад шел к своему сегодняшнему состоянию через периоды долгих эволюций и революций, которое стало возможным во многом благодаря расширению демократических практик участия на большинство населения [Тилли, 2007]. В связи с этим стоит отметить, что общественно-политическая революция 1960-х годов, которая разительно изменила Европу и Соединенные Штаты, базировалась на постмодернистских лозунгах слома жестких структур модернистского мира

(суверенное государство, церковь, нуклеарная семья и т.д.). Если в России доминируют такие выражения, как «современное государство», «современная экономика», то на Западе, в частности в ЕС, популярны такие слова, как «индивидуализация», «регионализация», «децентрализация», «устойчивое развитие» [Meister, 2009], а категория «современный» (modern) имеет совсем другие коннотации. Россия и Запад в этом смысле живут в разных исторических временах, что и предопределяет неизбежность многочисленных ситуаций взаимного непонимания.

Модернизационные проекции на отношения РФ и ЕС

Разница в понятийных словарях является ключевой проблемой в наших отношениях с ЕС, где доминирует нормативное представление о модернизации как о процессе становления современного, эффективного, открытого государства, умеющего работать в режиме диалога с обществом [Krawatzek, Kefferputz, 2010, p. 12]. ЕС также все в большей мере заявляет о себе как о «нормативной силе», которая может способствовать структурированию мира в условиях глобального размывания суверенитетов.

Конечно, эта разница в подходах риторически нивелируется обтекаемыми и содержательно слабовыраженными формулировками официальных документов: «Под партнерством для модернизации мы понимаем долгосрочное взаимодействие с целью повышения его полезной отдачи через обмен опытом» [Лавров С., Верстервелле Г., 2011]. Тем не менее существующие различия между РФ и ЕС имеют принципиальное значение в силу нескольких обстоятельств. Прежде всего, модернизационная повестка дня в отношениях Москвы и Брюсселя возможна только при условии признания доминирующей в интеллектуальном отношении роли последнего, поскольку для объединенной Европы в отличие от России модернизация является давно и успешно пройденной стадией общественного развития. Более того, многие эксперты говорят о постепенном, но неуклонном преодолении Евросоюзом форм управления эпохи модерна и о превращении его в постмодерный (post-modern) субъект, для которого вопросы суверенитета и национальных границ формулируются принципиально иначе, чем ранее. ЕС, вероятно, движется в сторону субъектности постмодер-

ного типа, что иллюстрируется, прежде всего, сложным наложением друг на друга несовпадающих институциональных пространств и юрисдикций (еврозона, Шенгенская зона, зона свободной торговли). Это движение подкрепляется гибкими («гибридными») формами взаимодействия с другими государствами, размывающими границы между членами ЕС и его соседями (например, Швейцария, не будучи в составе ЕС, входит в Шенгенскую зону, а Исландия и Норвегия, тоже находясь за пределами ЕС, участвуют на равных в инициированном им проекте Северного измерения). ЕС постепенно выносит некоторые управленческие практики за свои пределы (особенно в рамках «политики соседства»). Все это радикальным образом отличается от того, как структурируется политическое пространство и внутри России, и в рамках патронируемых ею интеграционных объединений, призванных (по крайней мере, вербально) дать эффект, сравнимый с евроинтеграцией.

В рамках принципиально неравных (и поэтому асимметричных) отношений между Москвой и Брюсселем понимание модернизации с обеих сторон остается различным. Следуя европейской традиции политического мышления, страны ЕС отдают приоритет модернизации социальных институтов и политических практик. В этом смысле модернизация, какой она видится, например, из Берлина, предполагает радикальные меры по борьбе с коррупцией, повышение степени прозрачности и подотчетности в различных сферах (от военного строительства до энергетических проектов), стимулирование активности гражданского общества, реформу судебной и образовательной систем, децентрализацию политической жизни на принципах федерализма. Иными словами, модернизация России – это принятие ею легитимности европейского (и, в более широком смысле, западного) нормативного порядка и добровольное (хотя и не безболезненное) подсоединение к нему.

Но ни один элемент из этого списка модернизационных приоритетов не стал объектом реального политического действия со стороны Кремля, причем отнюдь не в силу непонимания их важности, а исходя из вполне рационального расчета. Суть последнего состоит в том, что осуществление модернизационной повестки неизбежно приведет к радикальным переменам в способе функционирования властной элиты. Как любая системная трансформация, модернизация приведет к появлению выигравших и проиг-

равших, что существенно осложнит для правящего класса удержание власти под лозунгами стабильности. Для европейского мышления ослабление гражданского общества в России, замена его различными квазиобщественными структурами (общественные советы, Народный фронт и т.д.) приводит к вырождению политической жизни, повальной коррупции, особенно в условиях «шалых» ресурсных денег. Некоторые европейские политические деятели дают понять, что для них «модернизация – это также и совместное развитие общественной, социальной и политической ситуации» [Штиннер, 2010], однако фактическое игнорирование этих вопросов правительствами стран ЕС ведет к опасности «мезэлитной модернизации», которая принципиально не устраивает многих европейских экспертов [Meister, 2011].

Всколыхнувшие российскую политическую систему массовые акции протеста в декабре 2011 г. были восприняты Европой как подтверждение критического отношения россиян к перспективам модернизационного проекта Кремля. В то же время европейские эксперты увидели во всплеске гражданской активности в России подтверждение спроса на реальную модернизацию политических институтов – избавление от пут коррупции, закрытости, клановой монополии на власть и пр. В интервью немецкому телеканалу ZDF Шокенхофф, координатор парламентской германо-российской рабочей группы, справедливо заявил, что режиму В. Путина – Д. Медведева необходимо «партнерство для модернизации» сначала со своим собственным народом и только потом – с Европой.

Россия не заявляет желания о вступлении в ЕС, однако через весь официальный дискурс рефреном проходит идея о том, что страна ни в коем случае «не должна выпасть из Европы» [Сурков, 2008, с. 56]. Вместе с тем «выпадение» фактически имеет место быть. Так, например, западные компании рискуют вкладывать свой капитал только в российскую энергетику, а на Западе в целом снижаются ожидания в отношении перспектив становления демократической и экономически развитой России. Москва предлагает Брюсселю ту амальгаму авторитарной и «постполитической» версий модернизации, при которой усиливаются централизация и огосударствление общественной и экономической жизни [Meegu, 2011]. На этом фоне показательно, что даже Институт современного развития (ИНСОР), считающийся главным «мозговым центром»

президента Д. Медведева, оказался слабо заинтересован в предложении влиятельных экспертных и политических кругов Европы включить в повестку дня отношений РФ – ЕС концепцию «человеческой безопасности» (human security) [Helsinki Plus, 2010], предполагающей отход от государственноцентричного подхода к многочисленным рискам и угрозам современного общества.

При этом сувереноцентричный подход России к модернизации не является проблемой для отношений с ЕС, при условии, если речь не идет об интеграции России в ЕС (как и в случае с Норвегией, Швейцарией и некоторыми другими европейскими странами, которые видят определенное противоречие между наднациональностью и частью собственных национальных приоритетов). Проблема скорее в трактовке границ этого суверенитета. По выражению М. Фуко, в Европе и США доминируют либеральные практики управления, которые предполагают суверенность политики, но государство удаляется из многих аспектов жизнедеятельности общества [Фуко, 2010, с. 46–50]. Россия вполне могла бы соответствовать этому требованию, и не предлагая демократической версии модернизации. Так, например, Ф. Закария исходит из идеи, что западные государства, заинтересованные в партнерских отношениях с Западом, должны внедрить у себя только «программу-минимум», которая включает в себя принципы конституционного либерализма (независимость суда, гарантии прав на жизнь и собственность). Отсутствие демократии для переходных обществ является даже необходимым условием их стабильности [Закария, 2004]. В этом Ф. Закария опирается на традицию «постполитической» модернизации¹, основанную в 1960-е годы С. Хантингтоном, который в 1968 г. написал ставшую классической книгу «Политический порядок в меняющихся обществах» [Хантингтон, 2004].

¹ Употребляя характеристику «постполитический», авторы имели в виду то, что С. Хантингтон, рассматривая функционирование так называемых переходных обществ, признавал возможность их развития без демократизации и расширения контроля общества за властью. Он отстаивал идею о необходимости предотвращения политических споров, которые ведут якобы к хаосу и становлению так называемого преторианского общества. Хантингтон подчеркивал особую роль военных в процессе модернизации, выступал за союз «армии и села», за исключение из политики определенных слоев общества, чьи действия признаются «преторианскими» (студенчество, интеллигенция).

Россия в случае реализации такого сценария вряд ли смогла бы стать членом ЕС, но экономические связи и иные виды коммуникаций послужили бы для российской политической элиты хорошим основанием в осознании взаимозависимости и необходимости наращивать интеграционные инициативы. Например, какими бы ни были настроения среди некоторых слоев американской элиты в отношении Китая и как бы в этой стране ни нарушались права интеллектуальной собственности и права человека, Китай без особых трудностей был интегрирован в ВТО.

Отсутствие оживленных экономических связей ЕС и России создает предпосылки для постоянного торга, в котором политизируется любое расхождение между сторонами, ярким примером чему является долгий процесс вступления России в ВТО. В этих условиях неудивительно, что саммиты РФ – ЕС давно уже перестали быть значимыми международными событиями, играя скорее символическую роль для обеих сторон. В отсутствии прогресса в российско-европейских отношениях (за единственным исключением – подписание российско-польских соглашений по безвизовому обмену для жителей приграничных территорий) разговоры о более широких проектах – типа «модернизации системы международных отношений» – вряд ли дадут желаемый результат.

Европа между модерном и постмодерном

В европейской интеллектуальной элите крайне влиятельно мнение о кризисе, который угрожает постмодернистской Европе. Говоря об отходе Европы от классической традиции модерна, стоит признать правоту аргументов критической теории – одного из ключевых направлений интеллектуальной мысли современного Запада – о том, что европейский постмодерн – это не «конец истории» в стиле Ф. Фукуямы и не возвращение деконструированного европоцентризма. Постмодерн уместно определить здесь как переходное состояние культуры, в рамках которого вполне возможно возрождение практик структурного насилия и мышления в категориях политического реализма (Realpolitik). Однако именно от Европы как части западной цивилизации исходят сегодня послы к новой дискуссии по вопросам международного порядка, который уже сложно определить как Вестфальский. Эти дискуссии значи-

мы и для России, которая на данном этапе проблематизирует лишь свою эволюцию в истинно модернистское общество.

Многие российские интеллектуалы-консерваторы с удовольствием соглашаются с критикой европейского постмодерна, считая, что России лучше воздержаться от экспериментов, связанных с утратой национальных традиций и государственности. Такие фигуры, как Д. Рогозин и Н. Нарочницкая в России, П. Бьюкенен в США, полагают, что Западу угрожают прежде всего безудержный капитализм, коммунизм, феминизм, гомосексуализм и т.д., т.е. те явления, которые разрушают приверженность семейным ценностям и верность государству. Многие российские комментаторы с ехидством реагировали на последние события в Великобритании, когда пригороды Лондона фактически превратились в зону боевых действий, ставя под сомнение «благополучность» Европы. Выводом стал тезис, что России лучше оставаться в мире модерна, так как при попытке выйти за его рамки наступает общественный хаос, а истинная «европейскость» разрушается [Морозов, 2009, с. 277–294].

Европейская критическая теория, которая также говорит о кризисе постмодерна, подходит к проблематике эволюции модернистского общества совсем иначе. Речь в этом случае идет не о воспроизводстве модернистского состояния культуры, которому было свойственно наличие сложных иерархий и ограничений в политической и общественной жизни, а о сохранении многих достижений эпохи 60–70-х годов (социальное государство, права человека и т.д.) без их размывания современной неолиберальной и постполитической волной.

Так, критические теоретики (Ж. Рансьер, С. Жижек и др.) выражают сомнения в переходе Европы к постнациональному состоянию, показывая, что глобализация (европеизация) может вполне сопровождаться таким феноменом, как архаизация идентичностей. По мнению Ж. Рансьера, как только политики начинают заявлять о приближении к идеалу общественного устройства, так сразу к власти приходят радикальные националисты [Рансьер, 2006, с. 47], что служит доказательством способности «нации», «народа» еще долгое время оставаться значимым референтом публичной политики. В данный момент происходит ренационализация европейской политики, в силу чего можно слышать не только о негативных настроениях по поводу иммиграции из Азии или Африки, но и

о реактуализации стереотипов внутри ЕС. Так, когда действия руководства Польши во главе с братьями Качинскими угрожали подписанию проекта Лиссабонского договора, в странах «старой» Европы распространилось мнение о том, что Польша демонстрирует неевропейское поведение.

Европейские исследователи также признают, что и Шенгенская зона, и единое экономическое пространство служат средствами исключения внешнего пространства, т.е. фактически – механизмами суверенной политики. Популярной стала метафора «крепость Европа». Серьезным сомнениям подвергается и внешнеполитическая деятельность ЕС, в частности на восточноевропейском направлении: желание Брюсселя малыми ресурсами (при отказе в перспективах членства) удержать в орбите своего влияния такие страны, как Украина и Молдавия, продемонстрировало наличие серьезных геополитических интересов при слабой выраженности нормативной повестки дня. «Геополитические интересы» проявляются и в том, что, несмотря на мнение общественности и отдельных политических структур (прежде всего, Европарламента), отношения с Россией в той же Германии, считающейся ближайшим партнером России в ЕС, не подвергаются пересмотру, а один из самых влиятельных немецких экспертов по России А. Рах до сих пор отстаивает значимость России для Европы, в том числе как источника стабильности на фоне финансово-экономической нестабильности в самом ЕС [Rahr, 2011]. Оппоненты этой точки зрения утверждают, что Германия и ЕС в целом так и не могут отойти от восприятия России прежде всего как стратегического партнера в области энергетики.

Существует еще одно направление европейских академических исследований, в рамках которого изучаются практики «другоизации» (othering), присутствующие в Европейском союзе в отношении других субъектов мировой политики, в том числе России. Появление в окружении Евросоюза Значимых Других – таких, как США, Турция, Россия, – означает противопоставление внешнему миру и отсутствие реального космополитического основания в политике ЕС. В этом контексте провозглашение Европейским союзом себя в качестве нормативной системы, «державы постмодерна» [Ferrero-Waldner, 2005] является не более чем инструментом

самопозиционирования, фреймом идентичности, выстраиваемой в рамках ЕС.

Таким образом, существует немало причин для того, чтобы критически воспринимать сегодняшние европейские реалии. Тем не менее дискуссии о преодолении «модерна» или наступлении «второго модерна» (по выражению У. Бека) свидетельствуют о стремлении Европы найти что-то помимо мира, разделенного на суверенитеты и иерархии, не способного справляться с транснационализирующимися рисками и угрозами, и регулировать пространство глобальных коммуникаций. Таким образом, европейский кризис постмодерна, если он и присутствует, не подразумевает необходимости придерживаться модернистской структуры общества (в классическом виде предполагающей централизацию, эффективную бюрократию и относительно замкнутую национальную экономику). России ни в коем случае нельзя изолировать себя от нормативного диалога, являющегося залогом формирования действительно международного общества, которое способно справиться со стоящими перед всеми государствами вызовами и угрозами. Также крайне опасна склонность России к конъюнктурному оправданию некоторых своих действий нормативными положениями о гуманитарных принципах, демократии и т.д. (как это видно на примере вопроса вступления Украины в НАТО или действий России в отношении Грузии в августе 2008 г.).

Активизировавшиеся в России дискуссии о модернизации свидетельствуют о том, что российская власть не только стремится добиться большей легитимности в глазах собственного населения, но и желает обеспечить предпосылки интеграции страны в круг развитых государств. Однако при столкновении с большим внутренним сопротивлением реальная модернизация подменяется символическими шагами – от введения энергосберегающих лампочек до вступления во Всемирную торговую организацию. ВТО, конечно же, важный институт, однако он не способен подменить более фундаментальные реформы, которые призваны сломить тенденцию скатывания страны к системе всеобщего государственного перераспределения, номенклатуризации элиты и сужения поля

общественной свободы. Поскольку декларативная приверженность европейскому выбору плохо переводится в плоскость реальной политики, модернизационный дискурс, скорее всего, не сможет стать тем ресурсом, с помощью которого Россия получит серьезные дивиденды в процессе интеграции в международное сообщество.

С другой стороны, России не стоит интерпретировать себя в качестве «истинной», традиционной Европы, которая якобы надежно защищена от нынешних европейских напастей («крах мультикультурализма», демонтаж социального государства, долгового кризис). Нестабильность, непредсказуемость современной жизни заставляют задуматься о том, что все эти проблемы могут коснуться России, и в ситуации потенциального снижения цен на нефть и другие ресурсы страна окажется в одиночестве, без партнеров, готовых помочь.

Литература

- Закария Ф.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за ее пределами. – М.: Ладомир, 2004. – 383 с.
- Иноземцев В.* Партнерство ради модернизации: как помочь ему состояться? – М.: Фонд Фридриха Эберта, 2010. – 4 с. – Режим доступа: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/07453.pdf> (Дата посещения: 10.10.2011.)
- Лавров С., Верстервелле Г.* Предостережение и наказ: К 70-летию нападения гитлеровской Германии на Советский Союз // Российская газета. – М., 2011. – 22 июня, № 5508. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/06/22/diplomatiya.html> (Дата посещения: 30.06.2011.)
- Морозов В.* Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 656 с.
- Кузьминов Я.И.* Мы должны четко определить, на чьи интересы предлагаем наступить. Ректор ГУ-ВШЭ: Ярослав Кузьминов рассказал «Ъ» о работе над уточнением «Стратегии-2020» // «Коммерсант». – М., 2011. – 15 февраля, № 26. – С. 6.
- Рансьер Ж.* На краю политического. – М.: Праксис, 2006. – 240 с.
- Сурков В.Ю.* Национализация будущего // Сурков В.Ю. Тексты 97–07 / Владислав Сурков. – М.: Европа, 2008. – С. 43–58.
- Тилли Ч.* Демократия. – М.: АНО Институт общественного проектирования, 2007. – 264 с.
- Фуко М.* Рождение биополитики. – СПб.: Наука, 2010. – 448 с.

- Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
- Штиннер Р.* Речь на семинаре «Россия и Германия: перспективы модернизации», Москва, Фонд «Либеральная миссия», 6 октября 2010 г. – Режим доступа: <http://www.liberal.ru/anons/4887> (Дата посещения: 10.12.2011.)
- Barnett M.* The international humanitarian order. – London; New York: Routledge, 2010. – 230 p.
- Ferrero-Waldner B.* EU-Aussenpolitik im 21. Jahrhundert – Europas Antwort auf die Globalisierung. Institut fuer Europaische Politik / Bundeasakademie fuer Sicherheitspolitik. Berlin, 6. Dezember 2005. – Mode of access: <http://www.europa.eu.int/world/enp/> (Дата посещения: 05.12.2006.)
- Helsinki Plus: Towards a human security architecture for Europe. The first report of the EU-Russia human security study group. London and Barcelona: CIDOB Foundation, 2010. – 29 p. – Mode of access: <http://www.isn.ethz.ch/isn/Digital-Library/Publications/Detail/?ots591=cab359a3-9328-19cc-a1d2-8023e646b22c&lng=en&id=117774> (Дата посещения: 11.10.2011.)
- Krawatzek F., Kefferputz R.* The same old modernization game? Russian interpretations of modernization: CEPS working paper N 337. – Brussels: Centre for European policy studies, 2010. – 14 p. – Mode of access: <http://www.ceps.be/ceps/download/3751> (Дата посещения: 10.10.2011.)
- Merry W.* The crisis of Russian modernization // Open democracy. – 2011. – 20 July. – Mode of access: <http://www.opendemocracy.net/print/60529> (Дата посещения: 10.10.2011.)
- Meister S.* Growth without sustainability: DGAP analyse, n 4, January 2009, Berlin. – 12 p. – Mode of access: <https://dgap.org/en/think-tank/publikationen/dgapanalyse/growth-without-sustainability-0> (Дата посещения: 05.10.2010.)
- Morozov V.* Modernizing sovereign democracy?: PONARS Eurasia policy memo N 130. – Washington, D.C., 2010. – 5 p. – Mode of access: http://www.gwu.edu/~ieresgwu/assets/docs/pepm_130.pdf (Дата посещения: 05.10.2011.)
- Rahr A.* Putin 3.0. Russland zwischen Restauration und Modernisierung: DGAP Standpunkt, n 12, 30. November 2011, Berlin. – 3 S. – Mode of access: <https://dgap.org/de/think-tank/publikationen/dgapstandpunkt/putin-30> (Дата посещения: 10.12.2011.)
- Stivachtis Y.* Civilizing? the Post-Soviet/Socialist space: An english school approach to state socialization in Europe // Perspectives: review of international affairs. – Prague, 2010. – Vol. 18 (2). – P. 5–32.
- Trenin D.* Russia's conservative modernization: A mission impossible // SAIS review of international affairs. – Washington, D.C., 2010. – Vol. 30. – P. 27–37.